

СТЕНОГРАММА ВЕБИНАРА
«УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ “ФИЛОСОФИЯ”, “ПЕДАГОГИКА”,
“ПСИХОЛОГИЯ”: ЦЕЛЕВАЯ ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ
И НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РЕЗЕРВЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»
(24 ноября 2016 г.)

Турбовской Яков Семёнович – академик, д-р филос. наук, профессор;
Наливайко Нина Васильевна – д-р филос. наук, профессор; **Иванова Светлана Вениаминовна** – д-р филос. наук, профессор, директор ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО»; **Григорович Любовь Алексеевна** – д-р психол. наук, профессор; **Изгарская Анна Анатольевна** – д-р филос. наук, проф.; **Корниенко Нина Алексеевна** – д-р психол. наук, проф.; **Косенко Татьяна Сергеевна** – канд. филос. наук, доцент; **Яковлева Ирина Владимировна** – канд. филос. наук, доцент.

Я. С. Турбовской. У нас сегодня актуальная тема: «Учебные предметы “Философия”, “Педагогика”, “Психология”: целевая предназначенность и неиспользованные резервы в условиях глобализации». Мы попытаемся разобраться: тому ли мы учим, так ли мы учим, чему надо учить, чему мы

можем научить? Правильно ли мы сделали, что отдали на откуп самим колледжам, институтам, лицам разработку рабочих программ (как показывает время, они пошли по пути списывания программ друг у друга)?

Слово предоставляется Ирине Владимировне Яковлевой, научному сотруднику НИИ ФО НГПУ, кандидату философских наук.

И. В. Яковлева. В глобализирующемся мире XXI в. возникает много информационных взаимодействий. Что происходит с человеком в информационных условиях? Легче общаться, согласовывать решения; меняются условия для реализации усилий и форм реализации способностей. Поэтому человек сейчас сам определяет последовательность действий, осуществляет выбор средств и стратегии, позволяющих добиться оптимального результата в деятельности. Происходят изменения антропологического основания при образовании таких дисциплин, как «Философия», «Педагогика» и «Психология»: смысл и суть изменений состоит в переносе акцента с человека знающего на человека, подготовленного к жизни.

Обучение, направленное на передачу навыков и знаний, становится неэффективным. Гораздо более важно формирование у человека компетенции, позволяющей ему самостоятельно ориентироваться в глобальном мире. Знание перестает быть способом «подгонки» индивида под стандарт, оно становится средством расширения его деятельностных способностей к освоению смежных специальностей, освоению новых технологий, развитию общей эрудиции и коммуникативной культуры.

Каковы возможности дисциплин «Философия», «Педагогика», «Психология» в контексте обобщения и ретрансляции знаний в виртуальную среду? Какие существуют способы обращения с символами, знаками, информацией и предоставления их потребителю для решения теоретических и практических задач? Ответ ищем в практике деятельности вузов. Определенные способы взаимодействия были предприняты кафедрой философии и культурологи Красноярского государственного технического университета (где была открыта специальность «Прикладная информатика в музееведении»). Сегодня эта специальность утратила свою актуальность в связи с объединением вуза с тремя другими высшими школами, в результате которого был создан Сибирский федеральный университет. Мы участвовали в создании новых программ для данной специальности, программы носили интегративный характер. Существовало тесное взаимодействие в рамках университета с Институтом информационных систем, который выпускал специалистов по направлениям «Прикладная информатика в психологии» и «Прикладная информатика в социальной работе». Подготовка специалистов в прикладной информатике заключалась в статистической обработке информации.

Есть некоторые идеи по использованию возможностей философии, педагогики и психологии в формировании единого гуманитарно-ориентированного информационного продукта. Действительно, выпускники вышеперечисленных специальностей демонстрировали глубокие знания в области психологии. Они не были в чистом виде инженерами в области информатики, но владение компьютером и гуманитарные знания помогали им неплохо устроиться в жизни: они были востребованы на всех предприятиях, в библиотеках, в сфере досуга, туризма, культурного взаимодействия, преподавали в школах, хотя не имели педагогического образования.

Среди взаимосвязанных сфер просветительной деятельности в настоящее время выделяют еще и институциональное образование – это курсы, музеи, театры, клубы, политические, общественные и иные организации. Вот как раз там и были востребованы наши специалисты.

В условиях глобализации будут появляться темы, которые связаны между собой, интегрируют полярные мировые культуры Востока и Запада.

Я. С. Турбовской. Слово предоставляется Любови Алексеевне Григорович.

Л. А. Григорович. Добрый день, уважаемые коллеги! Я коснусь немного и преподавания психологии, и ее роли. И, если позволите, скажу несколько слов и о педагогике, потому что эту дисциплину мне приходилось и приходится преподавать. Для меня принципиально важно, где преподаются предметы, о которых мы говорим, – педагогика и психология. Если мы говорим о будущих педагогах и психологах – это одно. Если мы говорим о преподавании этих дисциплин в технических вузах (а у меня был опыт преподавания в МАИ), то это совсем другая история. Цели преподавания отличаются. В случае профессионального педагогического или психологического образования педагогика и психология являются основным средством формирования профессионального сознания человека, его отношения к профессии. Тогда для меня как преподавателя важно соблюсти антропоцентрический характер. Например, в любом из курсов (педагогическом или психологическом), выбирая ту или иную теорию, концепцию, школу, мы говорим о персоналиях. Студенты готовят сообщения, им даются специальные задания – погрузиться в биографию человека, который создал ту или иную теорию, вошедшую в сокровищницу педагогической или психологической науки.

Достаточно хорошо описаны биографии зарубежных педагогов и психологов. Но прискорбно сухо, каким-то казенным языком написаны биографии наших великих деятелей педагогики и психологии. А почерпнуть какие-то биографические сведения о ныне живущих крайне затрудни-

тельно. Когда персоны оживают в представлении студента, это вызывает эмоциональный отклик. Они становятся некоторыми фигурами для идентификации. Преподавание дисциплин «Введение в профессию», «Введение в педагогику», «Введение в психологию» мне удобно было начинать с такого эмоционального включения.

Следующий блок – это практика, которая предоставляет колоссальные ресурсы. Только в соединении с практикой рассматриваемые нами дисциплины становятся инструментом формирования профессионального сознания, потому что они являют собой не просто оторванные от жизни, пусть даже красивые и очень интересные, знания, они становятся способом реализации, решения профессиональной задачи, способом понять ребенка, организовать его деятельность, профессионально отнестись к тому, с чем будущий специалист будет сталкиваться практически ежедневно. И мне кажется, что более общие методологические основы и педагогики, и психологии следует изучать на последних курсах, когда уже сформировано эмоциональное приятие, когда у него есть опыт своего, пусть небольшого, но личного существования в этой профессии. Если на третьем этапе это теоретические знания, то на четвертом – методологические концепты, которые позволяют собрать воедино научную, профессиональную картину того, с чем он потом будет сталкиваться. На несоциальных факультетах, в технических, экономических вузах такие дисциплины (здесь я, конечно, соглашусь с коллегой) могут выступать как средство развития культурной идентичности, влияния на мировоззрение человека.

Я. С. Турбовской. Тема нашего сегодняшнего обсуждения – предназначенность философии, педагогики и психологии. В чем же их предназначенность?

Л. А. Григорович. Я считаю, что для специальностей эти предметы выступают как ключевые, предназначенность их в том, чтобы они могут сформировать профессиональное сознание.

Я. С. Турбовской. А предметы сами что-нибудь формируют?

Л. А. Григорович. Они формируют взаимодействие студента с этим предметом. И в процессе этого взаимодействия формируется либо не формируется профессиональное сознание. Сегодня существует очень заметный разрыв между тем, что мы преподаем в университетах, институтах, и тем, с чем непосредственно сталкивается выпускник, придя в школу. Для него психология – это отдельный предмет. Да, он, может быть, успешно освоил предмет, получил отличную отметку на экзамене. Он может теоретически воспроизвести, что такое темперамент, теория личности Фрейда, может их сравнить и воспроизвести массу другого психологического знания. Но знание это существует отдельно, не применительно к конкретному ребенку, даже к себе, профессионалу. Глав-

ная проблема, с которой мы сегодня сталкиваемся, – этот разрыв. Как плохо работающий смеситель – то горячая, то холодная вода.

Я. С. Турбовской. Получается, Любовь Алексеевна, мы не понимаем, для чего предназначены эти учебные предметы, если результаты такие, как Вы говорите? Значит, они предназначены не для того, куда мы их направляем, а для чего-то другого?

Л. А. Григорович. Я считаю, что предназначенность на первом, начальном уровне – это погружение в философское, психологическое, педагогическое знание. Эту функцию данные предметы выполняют, но этого сегодня недостаточно. Слишком расточительно три года только знакомить людей с этим пространством, за это время их нужно научить пользоваться этими знаниями. Но этого не происходит. Во внешнем плане они остаются, но во внутренний не переходят.

Я. С. Турбовской. Любовь Алексеевна, еще вопрос: когда я работал в пединституте, у меня был студентка 5-го курса, отличница. Однажды она пришла и сказала: «Я бросаю пединститут, потому что я изучала психологию, знаю типы. Но когда пришла в класс, не смогла определить типы темпераментов учеников. Вы даете мне знания, которые мне не помогают. А ведь вы, психологи, заявляете, что даете научные знания, которые могут использоваться и приводить к результатам». Как разубедить эту девочку? Мне стоило большого труда убедить ее остаться в институте.

Л. А. Григорович. Мы преподаем учебный предмет «Психология», а не науку психологию. Здесь и начинается проблема – переход научного знания в учебное. Я попыталась предложить свой механизм преобразования.

Я. С. Турбовской. Любовь Алексеевна, прекрасно. Мы с Вами установили следующую вещь: не обеспечен переход научного знания в учебное. Тогда последний в этом плане вопрос: Вы программы по психологии видели? Расскажите, как Вы к ним относитесь.

Л. А. Григорович. Отношусь формально. Я понимаю, что есть общие требования, различные проверяющие органы, которые по этим формальным требованиям и определяют, соответствует программа стандартам или нет. Для меня, если честно, программа – отдельно, а моя преподавательская деятельность – отдельно. Я не могу уместить в тот формальный шаблон, который есть, механизм преобразования. Я не знакома с большинством программ, но я знаю те программы, с которыми мне приходится работать. Они не позволяют перевести научное знание в учебное.

Я. С. Турбовской. Значит, у нас учебного знания в философии, психологии, педагогике нет? Учебного знания, которым мы должны руководствоваться?

Л. А. Григорович. В полной степени, конечно, нет.

Н. А. Корниенко. У меня есть вопросы к Любови Алексеевне. Уважаемая Любовь Алексеевна! Разделяете ли Вы точку зрения, что любая программа реализуется только специалистом в этой области. Но учитывая то, что сегодня психологию и педагогику преподают не специалисты, и, как Вы верно заметили, к этим программам нужно относиться формально. Зачем мы занимаемся таким очковтирательством, так сказать, если сам преподаватель не подготовлен к реализации программы?

Л. А. Григорович. Безусловно, если говорить о компетентности преподавателя, то, пожалуй, это ключевой момент. Но эта гонка с переделыванием программ, которая обусловлена изменением стандартов, оказывает очень существенное негативное влияние даже на специалистов своей области, потому что очень утомительно каждый раз переделывать, пусть даже формально, очень объемные документы.

Я. С. Турбовской. Слово Нине Алексеевне Корниенко, доктору психологических наук, профессору.

Н. А. Корниенко. Спасибо, я удовлетворена ответом. Если можно, я продолжу разговор, начатый Любовью Алексеевной, таким квалифицированным специалистом. Я преподаю психологию в вузах уже где-то двадцать лет, сама разрабатывала программы. Любовь Алексеевна хорошо сказала, что в каждом вузе своя специфика преподавания этих дисциплин. Здесь абсолютно нельзя ни в чем возразить. Конечно, в педагогическом вузе, на гуманитарном факультете могут использоваться одни подходы, в техническом вузе – несколько иные. Но я должна сказать, уважаемый Яков Семёнович, уважаемые участники вебинара, что я просто радуюсь успехам своих студентов, несмотря на то, что вуз не является педагогическим.

Я преподавала общую психологию, разрабатывала программу для студентов, которые к гуманитарному факультету не относятся. В основе курса психологии и педагогики у нас лежит общая психология, ее не обойдешь. Это история психологии, междисциплинарные понятия: коммуникативность, личность, группы и, конечно, раздел «Психологические особенности личности». В данном вузе личность мы изучаем в полном объеме.

Хорошая сегодня обозначена тема – предназначенность психологии и педагогики. К. Д. Ушинский писал, чтобы всесторонне воспитать человека, надо его всесторонне изучить. Вот вы знаете, я с самого начала взялась именно за это, как профессор кафедры психологии вуза главную задачу вижу не только в том, чтобы читать лекции по обозначенным направлениям, но и прежде всего научить студентов исследованию, чтобы они знали, как добывается научная истина. Я учу студентов, чтобы они фиксировали свое психическое, эмоциональное состояние: они ведут эмоциональные дневники. Такую идею я почерпнула из нашего главно-

го методологического журнала «Вопросы психологии». В нем со своей статьей выступил Вилюнас – очень интересный ученый в психологии. К сожалению, его сейчас нет в живых. Когда я ознакомилась с методикой, исследованием Вилюнаса, оно меня очень заинтересовало, и я начала разрабатывать свою методику.

Вначале была дана схема ведения эмоционального дневника. Это практическое преломление научных знаний в практику. Студентам показалось это очень интересным. Предлагается девять видов деятельности, которыми ежедневно занимаются студенты: учебная, познавательная, трудовая деятельность, общение, коммерческая деятельность, сон, кстати, тоже; затем нужно выделить среднюю эмоцию студента в каждом виде деятельности, продолжительность эмоции в том или ином виде деятельности в часах и минутах (они это фиксируют) и стабильность эмоциональной жизни.

Я замечу, что средняя эмоция и вообще интенсивность эмоций фиксируется по 11-балльной эмоциональной биполярной шкале: это от плюс 5 до минус 5 баллов. «Очень приятно» – плюс 5 баллов, а «очень неприятно заниматься тем или иным видом деятельности» – минус 5 баллов. Ну и далее соответствие этих шкал.

Затем мы смотрели, какие эмоции испытывают студенты, занимаясь тем или иным видом деятельности, их продолжительность, какие виды деятельности являются для студентов приоритетными. И получили первые итоги, что сон для них – лучший вид деятельности. У всех по-разному, конечно, но некоторые студенты признали, что не занимались учебной деятельностью, пропускали занятия, в библиотеках не работали и т. п. И, конечно, они не сдавали экзамены, понимали, что все поедут на каникулы, а они будут заниматься. Важно, что студенты получают информацию о себе. Они говорили, что не знали, какие они: радостные, печальные, грустные или тревожные. Тут они считают свои эмоции. Вы знаете, те, кто ведет записи в записных книжечках, очень красиво их оформляют.

Начинают студенты с того, что ведут записи неделю. Мне важно дать схему ведения этого дневника, чтобы это для них не было утомительным. Дальше им необходимо распределить эмоции по группам: радость, печаль, гнев и страх, базовые эмоции, в которых мы все с вами живем и осуществляем свою деятельность. Дальше определяют среднюю эмоцию по этим группам, затем считают, ведут цветоматрицу настроения. Определенным цветом студенты отмечают свое индивидуальное настроение и настроение группы по биполярной шкале: от плюс 3 до минус 3 баллов.

Средняя эмоция, как правило, не поднимается выше трех баллов, то есть студенты тяжело воспринимают все процессы, которые происходят с ними. Многие из них обучаются на платном отделении, перенапрягаются, им нужно и заработать деньги, чтобы заплатить за обучение, и овладеть научными знаниями, и перевести их в знания учебные.

Вчера вы, наверное, слышали, что наш Московский государственный университет имени Ломоносова занял третье место в мире в рейтинге университетов, о чем Садовничий докладывал Президенту России на прошедшем Государственном совете по науке и образованию при Президенте. Он сказал, что это очень хорошо. Оценили фундаментальные знания, которые дает Московский государственный университет, и, конечно, по психологии, там психологический мощный факультет. Наши специалисты, как прокомментировал Садовничий, востребованы в мире, а это высшая оценка и признание. Они готовы к жизни.

Сейчас нам предстоит очень много сделать: настроение у студентов выше 2 баллов не поднимается (это низкий балл). Каждый студент ведет дневник в группе, а потом мы обобщаем материал, проводим исследование (причем анонимно). Нас интересует конкретный юноша или девушка и его показатели.

В этом году я заметила, что у магистрантов тоже повысился интерес к исследованию, хотя никто не знает, чему их сегодня учат, специалистами они не будут, как вы знаете, а только готовятся к исследовательской деятельности. Что касается лекционного материала, я заметила следующее: конечно, учащиеся очень ответственно пишут лекции. Но они не могут писать лекции, их не научили в школе слушать, писать лекции, конспектировать они просто не готовы. Они ждут от нас диктанта и раздражаются, когда не успевают записать. Мы успеваем записывать материал! Но задача преподавателя вуза, наверное, состоит не в том, чтобы продиктовать диктант. И тут сложность есть.

Что касается практики, то тут у них больше интереса. Они включены в практическую деятельность. Вот такие сложности отмечаются в преподавании. Мы не научили школьника к обучению в вузе. Это большая и сложная проблема. Я считаю и хочу себя реализовывать в трех основных ипостасях: психолог-преподаватель, психолог-ученый и психолог-практик. Я считаю их главными.

Нагрузка на дисциплины гуманитарного цикла сокращается. Мы с Ниной Васильевной перед ее отъездом говорили на эту тему. Уже несколько потоков разных специальностей в одну аудиторию собирают, чтобы, видимо, сэкономить часы, так как сокращаются часы и на самостоятельную работу. Понимаете, люди приходят с разных факультетов, поэтому трудно учитывать их индивидуально-психологические особенности и уровень подготовки.

Конечно, преподавание психологии – это актуальный ресурс по проблемам преподавания, прежде всего формирования ученого, преподавателя, практика. Я посмотрела, как в предыдущие годы освещали главные методологические вопросы преподавания курса «Психология» в вузах. В нашем журнале «Вопросы психологии» РАО, который возглавляет академик В. В. Рубцов, печатаются дискуссии, архивные документы. С 1955 по 1959 г., далее по десятилетиям, даются результаты исследования качеств студентов. 1950–1955 год – направление работы со студентами представлено рядом публикаций: «Об организации работы студентов в психологических кружках Саратовского педагогического института», «Об опыте работы студентов Свердловского педагогического института». 1960–1969 гг. – «Об опыте экспериментальной работы студентов Белгородского пединститута с учащимися 2–6-х классов школ», «Об использовании психологических задач на практических занятиях Ставропольского пединститута», 1970–1979 гг. – «Опыт преподавательской работы со студентами», «Об обучении студентов Московского педагогического института имени Ленина методам психологического исследования», «О формировании у студентов Таганрогского педагогического института навыков исследовательской работы» и т. д. Я хотела сказать, что мы должны использовать предназначение предмета «Психология преподавания» не только с точки зрения передачи знания, но и формирования готовности к жизни.

Сегодня наши студенты очень нуждаются в такой аналитической оценке. Но что нам мешает, уважаемый Яков Семёнович? Я хочу обратиться к той проблеме, которую Вы выносили на обсуждение на прошлой нашей встрече: нет идеологии в обществе. От этого страдают все дисциплины, прежде всего гуманитарного цикла. Я должна вам сказать, что студенты не знали о перевороте на Украине. Вот вам и компьютерная информированность! Вот это проблема номер один.

Я. С. Турбовской. Вы заявляете, что программы не нужны?

Н. А. Корниенко. Программы нужны, но с учетом подготовки преподавателя, который будет эту программу реализовывать.

Я. С. Турбовской. То, что Вы делаете, – чистое творчество, это передать невозможно, в государственный документ не заложишь, это Ваша собственная инициатива. Нина Алексеевна, в этом драматизм ситуации – у нас нет единой системы управления образованием. Вот Любовь Алексеевна заявляет, и я с ней не могу не согласиться, что существует принципиальная разница между научным и учебным знанием. Мы же не физику преподаем, не математику, причем преподаем с XVII в., а у нас есть двоечники по сей день. В чем же здесь дело?

Н. А. Корниенко. Дисциплины гуманитарного цикла должны быть направлены на самопознание человека через научное знание, которое он получает. Он должен и себя познать.

Я. С. Турбовской. Если Вы мне это в программе покажете, я буду признателен.

Н. А. Корниенко. У меня есть это в программе.

Я. С. Турбовской. Уважаемые коллеги! Проблема состоит в том, что мне очень хотелось бы понять следующие вещи: понимаем ли мы, для чего пишем программы, понимаем ли мы, будут ли ими руководствоваться учитель, преподаватель, профессор и т. д.? Или это формальная набор слов? Я специально посмотрел десятки рабочих программ и понял, что мы совершили колоссальную ошибку, предоставив каждому колледжу, каждому вузу возможность самостоятельно разрабатывать рабочие программы. К чему это привело? Оригинальности ноль, списывают друг у друга, перегружают, как можно больше написать. Я вам почитаю, я специально принес, чтобы на страницы журнала попало, что они собираются делать. Смотрите. «Философия: актуальность изучения студентами философии обусловлена нарастанием сложности общественной жизни, развитием и усложнением методов научного познания и инженерно-технической деятельности. Философия формирует мировоззренческую, методологическую культуру будущего специалиста. Она дает им наиболее обобщенные представления о мироздании и месте в нем человека. Является фундаментом для всех общенаучных, гуманитарных и специальных дисциплин, вооружает методологией познания и практической преобразовательной деятельности. Таким образом, постоянное освоение философии – необходимое звено в современном образовательном процессе в высшей школе. Цель состоит в том, чтобы способствовать формированию у студентов философского мировоззрения, развитию самостоятельного и творческого мышления, привитию навыков и умений работы руководителем и воспитателем личного состава в подразделении». Сколько часов выделено на преподавание философии? 48 часов. Можно за 48 часов реализовать эту проблему? Нет. Вот я, например, не могу согласиться с Любовью Алексеевной, когда она говорит, что надо погрузить знания в предмет. Процесс должен быть постепенным. Проблема и состоит в том, чтобы мы, погружая, понимали, что он не захлебывается, что действительно погружается, активно приспособиваясь к этому. Я никогда не забуду (я ведь заканчивал философский факультет), как у нас на одной из первых лекций уважаемый доцент говорил хорошо поставленным баритоном: «Уважаемые коллеги! Если вы ничего не будете понимать в первую половину года из того, что я говорю, не думайте, что я ненормальный. А через это время мы с вами начнем разговаривать на одном языке». Я вас очень прошу, задайте своим препода-

вателям, не говоря уже о студентах, вопрос: чем отличаются слово и понятие, чем отличается информация и научное знание?

Мы не обеспечиваем перехода науки в знание у студентов. Проблема в том, чтобы мы понимали, что человек не знает, а к знанию нельзя насильно тянуть. Каким же образом нужно сделать так, чтобы то, что мы хотим ему дать, он взял, а не мы ему навязывали. Вся логика организации этих программ исходит из проблемы долженствования. На долженствовании образование строиться не может. Логика такова: пришел учиться – учишься. Хорошая логика, но она явно недостаточна. Нам с вами нужно понимать, что если мы создаем государственный документ, реализация которого зависит от способности человека, его использующего, то этот документ никуда не годится. Я хотел бы предложить, чтобы мы вернулись к проблеме экспертизы разрабатываемых программ, нам нужны региональные, федеральные эксперты. Дошло до того, что учителей стали заставлять разрабатывать индивидуальные планы своей работы.

Нина Алексеевна высказала важную мысль: наши дети, студенты требуют, чтобы мы им диктовали, они не в состоянии переосмыслить, сориентироваться, сгруппировать набор концентрированных мыслей. Я вообще не убежден, что студент должен писать конспекты. Проблема заключается в том, что некоторые преподаватели, для которых дисциплина – главное в жизни явление, заставляют студента не говорить, а слушать и писать.

Проблема сегодня чрезвычайно важна по трем аспектам. Первое: если нас не удовлетворяет качество существующих сегодня учебных программ, то, может быть, имеет смысл придать оценке разрабатываемых документов централизованный, компетентностный характер. Важно не то, чтобы преподаватель проявил инициативу, а чтобы создаваемый документ работал.

Второе: в программе должно быть написано только то, что будет реализовано и должно быть реализовано. За 40 часов невозможно ни мировоззрение воспитать, ничего серьезного сделать. А что же возможно сделать? Отношения сформировать – да, социальную ориентировку – да, понимание того, где, что, когда и как – да, понимание того, что философия, педагогика, психология – это одно и то же, только на разных гранях человеческого проявления. Поэтому если философы заявляют, что философия должна лежать в основе всех наших знаний, то вы это студенту докажете, а не на бумаге напишете. А на самом деле студент должен сам в этом разобраться. У меня как-то был спор с нашим очень крупным философом на страницах журнала «Философия науки». Она заявляла, что философствовать может только человек, который изучил философию. Ничего подобного, каждый человек философствует, пытаясь ответить на

вопросы: зачем я живу, что мне надо, что мне дорого? Это самое главное. Мы же философию превратили в знание, а философия – это основа душевного состояния человека. Она возникла как потребность, а не как набор формулировок. И сегодня за 20 часов, которые отведены, когда мы предлагаем, чтобы студент рассказал и повторил, мы его философии не учим, мы убиваем в нем философию. Он просто сдает экзамены.

И третье: было бы правильно, если бы мы действовали в соответствии с третьим положением нашего вебинара, там есть неиспользованные резервы. Я думаю, нам надо искать пути интеграции. Нас мало и часов у нас мало, поэтому мы должны объединяться. Мы должны понимать, с чего начинается философ, к чему ведет психолог и как это интегрируется в деятельность педагога. Не знаю, уважаемая Нина Алексеевна, согласитесь ли Вы со мной, но Вы привели высказывание Ушинского, которое, с моей точки зрения, является глубоко ошибочным. Вы сказали, приведя цитату Ушинского, что для того, чтобы человека воспитывать во всех отношениях, его надо знать во всех отношениях. Счастье человечества состоит в том, что невозможно сделать. Человек меняется, человек сегодняшний и человек, существующий двадцать веков назад, – это разные люди. Сегодня исследователи доказали, если ты через два года придешь в молодежную среду, увидишь, она уже другая – язык другой, отношения другие.

Самое ценное в Вас, Нина Алексеевна, с моей точки зрения заключается в том, что Вам важен не абстрактный человек, а тот, которого Вы учителе. Вот его надо знать. Вы нашли путь общения через его самореализацию. Они чувствуют, что Вы видите в них людей, что Вы видите в них соратников, коллег, и отсюда этот отклик, потому что Вы предлагаете дело, которое им интересно. Дорогая Нина Алексеевна! Возмутитесь, пожалуйста, у Вас на ректорате. Проблема заключается в том, что это не школа виновата, что студент плохо учится, это вуз виноват. Они не готовы, мало того, что не готовы, их натаскивают на сдачу никому не нужных ЕГЭ. Пожалуйста, уважаемые коллеги, было бы очень здорово, я думаю, если бы мы обратились к Министерству, а может и к научной общественности с предложением сделать проблему разработки учебных программ предметом экспертной оценки.

Второе: было бы очень правильно, если бы мы смогли определить, в чем заключается формирующая предназначенность этих предметов, что они могут сделать на самом деле, но не делают, потому что занимаются подготовкой к экзаменам и тому подобными вещами.

И третье: было бы очень хорошо, если бы мы вместе попытались найти решение, как сблизить позиции педагогов в конкретном вузе. Если бы Вы, Нина Алексеевна, например, возглавили это дело – сблизили бы по-

зиции философа, психолога и педагога в рамках сопряженных рабочих программ. Они сегодня – каждый в отдельности.

Н. А. Корниенко. Уважаемый Яков Семёнович! Безусловно, Ваши предложения дают нам основание для обращения в Министерство образования. Я думаю, что все преподаватели будут просто вдохновлены тем, что Министерство будет разрабатывать эти программы на уровне экспертов. Раньше ведь у нас так и было. В учебных программах для педагогического вуза по всем дисциплинам не было воды, о которой Вы говорили, общих фраз. Так зачем государственными стандартами предусмотрено такое количество компетенций, общекультурных, профессиональных? Я должна сказать, что все это мы пишем, разрабатываем, но в отчетах никто не заинтересовался, кто же сформировал эти компетенции выпускника вуза. Зачем эта надуманность заложена в стандарты?

Я. С. Турбовской. Я этого понять не могу, потому что в педагогике бакалавр – преступное слово, там написано, что он имеет только технические знания, а творчеством заниматься не может. А педагог немислим без творчества. На этом мы заканчиваем сегодняшний вебинар.